

Научная статья

УДК 398'54

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-145-156

Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят

Андрей Андреевич Бадмаев

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

badmaevaa@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Аннотация

Реконструируется комплекс бурятских традиционных представлений о дикой свинье и выясняется ее символика. Определено, что в мифологических воззрениях бурят образ дикой свиньи имеет неоднозначную характеристику. На лексических материалах и данных по малым жанрам фольклора бурят выяснено, что домашняя свинья являлась символом чувственности, бедности или, наоборот, материального благополучия. В то же время она связывалась с рядом негативных черт человека. Выявлено, что кабан символизировал храбрость, а также необдуманность поступков. Среди его биологических особенностей выделяли слух и обоняние. В традиционных воззрениях бурят это животное предстает в качестве тотема или кормилицы прародителей. Кроме того, вепрь олицетворяет мужское начало, наделяется символикой плодovitости и небесной воды. Выяснено, что в эпике бурят его образ имеет негативную коннотацию и связывается с мотивом души демонического существа. Показывается, что в традиционной обрядности голова кабана и, в частности, его бивни выполняют функцию апотропея. Образ животного ассоциируется с «игровым» духом *гахай онгон*. В шаманской поэзии вепрь является антропонимом (*Ггахай багша*). На материалах по обрядности выделена его положительная коннотация, определяемая такими основополагающими значениями, как земля, небо. Доказано, что он несет символику плодородия и плодovitости. Выяснено, что его рассматривали как транспорт для божества. Вместе с тем он получает отрицательную характеристику, обусловленную оценкой кабана как вестника смерти.

Ключевые слова

этнография, фольклор, лексика, буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, буддизм, дикая свинья

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 145–156. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-145-156

Wild Pig in the Traditional Worldview and Rituals of the Buryats

Andrew A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

badmaevaa@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Abstract

Purpose. The purpose of the article is to find out the complex of traditional ideas about the wild pig and its symbolism among the Buryats.

Results. In the first part of the work, a comparative characteristic of wild and domestic pigs in the Buryat culture is carried out.

Lexical materials indicate the common Mongolian origin of the main terms denoting wild and domestic pig. Based on the fact that the population of the Baikal region knew about the domestic pig from the Hunnic time, the ancestors of the Buryats could get information about this animal at a fairly early period of their history. It is indicated that the Buryats reflected the biological characteristics and behavior of wild and domestic pigs in the works of small genres of folklore. The negative characteristic of the domestic pig in the traditional worldview of the Buryats is emphasized in general.

In the second part of the study, mythological views about the wild pig are isolated.

It is noted that in the traditional representations of the Buryats, this animal appears as a totem or nurse of the progenitors. The symbolism and semantics of the boar are revealed, the connotation of this artiodactyl among the Buryats is determined.

The third part of the article is devoted to identifying the image of a wild pig in the traditional ritual of the Buryats.

The manifestations of the image of the boar in the traditional ritual of the Buryats are being clarified. The sacredness of his image is associated, in particular, with the apotropaic function of the animal's head, especially its tusks. The main motives associated with the wild pig are determined.

Conclusion. The study shows that in the traditional worldview of the Buryats, the image of a wild pig is polysemantic and has ambivalent connotations.

Comparative characteristics of images of domestic and wild pigs in the culture of the Buryats revealed a different attitude towards them. Based on the analysis of Buryat vocabulary and small genres of folklore, it can be argued that the domestic pig symbolized sensuality, poverty and, conversely, material well-being. Many negative qualities of a person were associated with it. Meanwhile, the boar personified bravery, and at the same time thoughtlessness. Of the biological signs of a wild pig, the Buryats especially distinguished its hearing and sense of smell.

Despite some fragmentation of the image of the boar in the traditional worldview of the Buryats, a complex of judgments about it is revealed. In them, the animal acts as a totem, and as the nurse of the first ancestors. He is perceived as a symbol of strength, masculinity. In addition, he is endowed with the symbolism of fertility and heavenly water. In the epic of the Buryats, his image received an unambiguously negative connotation, and was linked to the motive of the soul of a demonic being.

In the shamanic ritual, the tusks and, in general, the boar's head, played the role of the apotropee. In it, the image of the animal was associated with the "game" spirit of *Gakhai ongon*. In shamanic poetry, the boar appears as an anthroponym (*Gakhai bagsha*). The materials on shamanic rituals highlight the positive connotation of this animal, due to such important meanings as earth, sky. The wild pig is a symbol of fertility. Probably, she was also perceived as a transport for the deity. However, there is also a negative connotation associated with the perception of the boar as a messenger of death.

Keywords

ethnography, folklore, vocabulary, Buryats, traditional worldview, shamanism, Buddhism, wild pig

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the research project of IAET SB RAS no. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries"

For citation

Badmaev A. A. Wild Pig in the Traditional Worldview and Rituals of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 145–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-145-156

Введение

Образ кабана представляет один из распространенных культурных символов в Евразии, который окружен различными ассоциациями и смыслами. Во многом это обусловлено биологическими особенностями и практической ценностью данного животного.

Среди зооморфных образов, встречающихся в мифологических представлениях и обрядности бурят, также присутствует образ дикой свиньи. Объясняется это прежде всего обитанием данного парнокопытного (точнее его разновидности – забайкальского кабана (*Sus scrofa sibiricus Staffe*)) в Байкальском регионе.

Кабан являлся объектом мясной охоты для местного населения, начиная с мезолитического времени [Цыбиктаров, 1999, с. 50]. Об этом свидетельствуют находки костных останков этого животного на стоянках и других памятниках Юго-Восточной Сибири, относимых к различным археологическим эпохам и культурам.

В бурятоведении пока не предпринималось специального исследования образа данного парнокопытного, но отдельные аспекты, связанные с ним, были рассмотрены в работах Г. Р. Галдановой, Д. А. Бурчиной и др. Настоящее изыскание нацелено на выяснение комплекса традиционных представлений о дикой свинье и ее символики у бурят.

Источниками для работы послужили этнографо-фольклорные, лексические сведения и полевые материалы автора. В рамках исследования особое значение имеют этнографические и фольклорные сведения, полученные С. П. Балдаевым, Д. А. Бурчиной, Г. Р. Галдановой и др. Основным лексическим источником является двухтомный словарь «Буряад-ород толи» (2010), подготовленный К. М. Черемисовым и Л. Д. Шагдаровым. В исследовании автор опирается на структурно-семиотический метод, предусматривающий определение символики, выражающей идеи о кабане.

Сравнительная характеристика дикой и домашней свиньи в культуре бурят

Буряты, для которых традиционным было занятие скотоводством, добывали кабана, наряду с другими зверями, в ходе облавы и другой охоты, устраиваемой для получения дополнительного мясного запаса. С переходом к земледелию они стали в случаях потравы зерновых этими парнокопытными организовывать на них специальную охоту (ПИМА: С. О. Бильдуев). Дело в том, что, ведя ночной образ жизни, кабаны нередко поедали и вытаптывали посевы и тем самым наносили экономический урон.

В бурятском языке сложилась половозрастная градация дикой свиньи, включающая в себя и некоторые диалектизмы: *Бодон(э)* ‘вепрь’; *ан гахай*, *бодон гахай*, *ойн гахай*, *мэгэжэ* ‘дикая свинья’; *мэргэсэр* ‘трехлетний кабан’; *ногтомол бодон* ‘матерый старый кабан с загнутыми клыками’; *торой*, *хобһо(н)* ‘поросенок дикой свиньи’.

Сравнение основных бурятских терминов, обозначающих данное животное, – *бодон* и *гахай* с лексическим материалом по другим монгольским народам указывает на их единое, общемонгольское происхождение: п.-монг. *yaqai* – *gaхай* ‘свинья’ [Поппе, 1938, с. 175]; *бодон(э)* ‘дикий кабан (самец), вепрь’ [БАМРС, 2001–2002, с. 404]; *гахай* ‘свинья, кабан, вепрь’, *зэрлэг гахай*, *бодон гахай* ‘дикий кабан’ [Там же, с. 551]; *бодн* (домашняя свинья), *зерлг бодн* (дикая свинья) [РКС, 1964, с. 223]; *наха* ‘свинья’ [Там же, с. 634]; *бодн* ‘дикий кабан, вепрь’, *бодн наха* ‘дикий кабан’ [КРС, 1977, с. 104]; *гагэ* ‘свинья’ [КДРС, 2014, с. 37]; *хау гагэ* ‘кабан’ [Там же, с. 180]; *бодон*, *бодун* ‘вепрь, дикий кабан’ [ХРС, 2015, с. 57]; *гахай* ‘свинья, кабан’, *бодон гахай* ‘кабан’ [Там же, с. 100]. Как видим, иногда оба слова выступают как синонимы. В то же время нельзя не заметить, что под *гахай* / *гагэ* / *наха* чаще всего подразумевают свиноматку, а под *бодн* / *бодон* / *бодун* – самца дикой свиньи. Кроме того, наличие в монгольских языках одних родовых названий для разных биологических видов

ясно говорит о признании монгольскими народами родства между домашней и дикой свиньей.

Заметим, что только в середине XIX в. оседлые буряты (первоначально в Предбайкалье) в результате заимствования опыта русского старожильского населения начали разводить домашнюю свинью (*Sus scrofa domesticus*) с целью покрыть потребности в мясе и жире. Вероятно, представления о ней могли сложиться ранее, так как у южных соседей бурят она была известна с глубокой древности. В пользу этого можно привести следующие факты: предки китайцев одомашнили это животное еще 9 тыс. л. н. [Дмитриев, 2015, с. 38]; население хуннских городищ в Забайкалье (II в. до н. э. – I в. н. э.) держало свиней [Цыбиктаров, 1999, с. 139]; в IX–X вв. монголоязычные кидани, перешедшие к оседлому образу жизни, разводили так называемых желтых свиней [Е Лун-ли, 1979, с. 322].

Наблюдая за дикой свиньей, монгольские народы получили представление о типичном для нее поведении в особых ситуациях. Они отдельно подмечали такое качество вепря, как его бесстрашие, проявляемое им в схватке с крупным хищником (волком и медведем). Неслучайно поэтому, с кабаном у них ассоциировались сильные и храбрые воины: например, в калмыцком героическом эпосе «Джангар» богатырей зовут *бодн* ‘перен. богатырь, герой’ [КРС, 1977, с. 104]. Отсюда можно предположить, что образ вепря увязывался с воинским культом.

Правда, в языке бурят подчеркивается способность кабана к неосознанным действиям – в минуты опасности он прямо бросается на врага: в частности, слово *бодонгуйгоор* ‘не думая’ [БРС, 2010, т. 1, с. 133] происходит от названия вепря.

Поведение свиноматки в критические дни передает глагол *дэлюурхэхэ* ‘взбеситься, возбуждаться в период течки’ [Там же, с. 327], который указывает на неадекватность ее поведения в такой период. Вероятно, в традиционных воззрениях бурят свинья выступала символом чувственности. В народной примете ее половое возбуждение соотносится со стихией ветра: «Игра свиней предвещает сильный ветер, бурю» [Евсенин, 1916, с. 483].

Способность кабана в поисках пищи раскапывать землю рылом и бивнями отображает глагол *олихо* ‘бодать, подбрасывать землю’ [БРС, 2010, т. 2, с. 22]. Заметим, что, являясь до XIX в. преимущественно полуномадами, буряты в своей мифологии не ассоциировали дикую свинью с регенерацией земли, у них не возникла, подобно древним земледельческим народам, идея связывать образ кабана с зачатками земледелия. Например, у индийцев бытуют представления об этом диком парнокопытном как о воплощении бога Вишну, якобы научившего людей вспахивать и удобрять землю [Nandita Krishna, 2014, p. 54].

Со словом *гахай* в значении ‘домашняя свинья’ связывали негативные качества человеческой природы: *гахай* бран. ‘грубиян, хапуга, мошенник’ [Аникин, 2000, с. 164]. У бурят есть выражения: *Гайхай шиг* ‘Подобный свинье’, *гахайдляар* ‘как свинья’, *гахайшалха* ‘подражать свинье’, аккумулирующие такие человеческие черты и пороки, как упрямство, недальновидность, глупость (*гахай тэнэг* ‘перен. круглый дурак’), жадность (*гахай хомхой* ‘весьма жадный’), чревоугодие (ведущее к излишнему весу), неряшливость не только во внешнем виде, но и в поведении. В других фразеологизмах передаются отдельные физические особенности и привычки животного, которые относимы и к дикой свинье: *Гайхай нюдэтэй* ‘с узкими, как у свиньи, глазами’; *гахайшалан хэбтэхэ* ‘валяться как свинья’ [БРС, 2010, т. 1, с. 201] (хотя с точки зрения физиологии ничего зазорного в поведении животного нет: купание в грязи помогает ему уменьшить теплоотдачу, защититься от ультрафиолетового излучения и избавиться от паразитов).

Буряты интуитивно осознавали родство дикой и домашней свиньи, одними и теми же словами обозначая звуки, издаваемые этими животными: например, глагол *хоршогонохо* ‘хрюкать’ относится к обоим биологическим видам; в бурятском языке данное качество животного опять-таки сопрягается с недостойным поведением человека – иллюстрацией тому является фразеологизм *Хоршогоножо ябажа гуйхэ* ‘досл. бегать, хрюкая; перен. носиться, говоря нехорошие вещи’ [Там же, т. 2, с. 452].

Известно, что домашняя свинья сохранила также биологические особенности ее дикого предка, такие как острый слух и тонкое обоняние. Неслучайно бурятские охотники пользовались иносказаниями, когда готовились к предстоящему промыслу; считалось, что земля – это уши дикой свиньи [Галданова, 1987, с. 38]. В сказочном фольклоре бурят имеется персонаж *Гахай багша* ‘Кабан-учитель’, лекарь-прорицатель, атрибутом которого является свиная голова на шесте; благодаря ей он будто бы узнает тайны, обнаруживает золотое кольцо – хранилище души [БНС, 2008, с. 52]. Очевидно, здесь нашло отражение народное представление о характерном для дикой свиньи развитом обонянии, с помощью которого она обнаруживает съедобные клубни, корешки и др.

В монгольской поговорке намеренно противопоставляются домашняя свинья и собака: *Нохой гэхэд, гахай гэх* ‘Ему про собаку, а он про свинью, перен. называть белое черным’ [БАМРС, 2001–2002, с. 551]. Действительно, в народных суждениях бурят собака наделялась, в том числе, и положительной коннотацией. Однако семантика бурятских словесных оборотов и выражений, в которых одновременно упоминаются свинья и собака, несколько иная: например: *нохой гахай* ‘букв. свиньи и собаки; собир. домашние животные’ [БРС, 2010, т. 1, с. 201]; *гахай ябаган, нохой нюсэгэн* ‘досл. пеший, как свинья, голый, как собака; перен. ни кола, ни двора’ [Там же, с. 615] (т. е. оба животных символизировали бедность человека). В то же время в благопожеланиях владение свиньей преподносится как показатель определенного социального положения:

*Газар хадарха гахайтай боложо,
Галабта дуулдаха нэрэтэй
Боложо байгаарайт!*

Имейте свинью, чтоб рыла землю,
Заслужите имя, чтоб звучало навеки!
[ФКД, 1999, с.122].

Понятно, что приведенные выше образцы малых жанров фольклора могли возникнуть в среде бурят, которые подверглись седентаризации.

Разное отношение бурят к домашней и дикой свинье проецировалось на их имянаречение: среди бурятских мужских имен фигурирует имя, омонимичное названию кабана – *Бодон* [Митрошкина, 1987, с. 81], но нет имен, производных от номинации домашней свиньи. Делая экскурс в историю, можно вспомнить, что одного из предков Чингисхана звали Бодончар (вероятно, как вариант, *Бодон-чар* ‘След (или хруст (произведенный) кабана’) [Лубсан Данзан, 1973, с. 55] (род. 970 г.); данный факт свидетельствует об архаичности в монгольской среде обычая называть мальчиков именем, производным от названия вепря.

Еще один критерий, по которому буряты разделяли дикую и домашнюю свинью, была их съедобность. Автор XVIII в. обращает внимание на неприятие бурятами свинины по причине отнесения домашней свиньи к так называемым нечистым животным [Миллер, 2009, с. 256]. Конечно, позднее, с преодолением предубеждения к свинине они стали включать ее в свой рацион. Подобные воззрения были, в частности, у западных монголов: «Свинью дикую Торгоуты считают **чистой** и мясо ее едят; она питается корнями и травой; китайскую домашнюю считают **нечистой** (выделено мною. – А. Б.), потому что она чистит задние дворы, и мясо ее не едят» [Потанин, 1881, с. 96]. Домашняя свинья, как и собака, может поесть человеческие экскременты; зная об этом, китайцы скармливали их свиньям, для этого они строили отхожие места, совмещенные со свинарниками [Дмитриев, 2015, с. 39].

Интересно, что в культурах других народов Евразии негативное отношение к образу домашней свиньи имеет универсальный характер, оно подкреплялось еще и установленными религиозными догмами (иудейскими, христианскими, мусульманскими, буддийскими).

Замыкающий, двенадцатый год лунного календаря бурят-буддистов носит название *гахай жэл* ‘год свиньи’, последний календарный месяц, декабрь – *гахай хара* ‘месяц свиньи’, а в сутках время от 21 часа 40 минут до 23 часа 40 минут номинируется как *гахай саг* ‘час свиньи’ [БРС, 2010, т. 1, с. 201]. Несомненно, попадание данного парнокопытного в традици-

онное исчисление времени является свидетельством его значимости в прошлом. Остается вопрос, о какой, дикой или домашней, свинье может идти речь. Данный календарь попал к бурятам через монголов (оговоримся, что пути и время его появления у бурят могли варьировать, так как, начиная с конца XVI в., хори-буряты, хонгодоры и другие монголоязычные сообщества раздельно мигрировали из Монголии в Байкальский регион) от тибетцев; последние создали его на основе индийско-буддийского и китайского календарей, бывших изобретениями древних земледельческих народов. Отсюда можно предполагать, что в нем изначально упоминалась домашняя свинья.

Переходя к выяснению представленности образов рассматриваемых животных в традиционном мировоззрении и обрядности бурят, стоит оговориться, что в них полностью отсутствуют воззрения о домашней свинье, что обусловливается поздним включением этого животного в домашнее стадо.

Мифологические представления бурят о дикой свинье

Мнение о кабане как тотеме одного из родовых подразделений хори-бурят, бодонгутов («вепрей»), высказал Ц. Б. Цыдендамбаев, при этом он основывался на версии их происхождения от киданей, у которых был известен культ этого животного [Цыдендамбаев, 1972, с. 207]. Далее, Г. Р. Галданова на материалах по закаменским (присяянским) бурятам сделала заключение, что их традиции закапывания кабаньей головы под порогом жилища и преподнесения ее в знак уважения главному свату в свадебной церемонии следует связывать с культом предков и видеть в них реликты тотемного культа кабана [Галданова, 1987, с. 38].

К сказанному выше можно добавить, что дикая свинья почиталась некоторыми предбайкальскими бурятами как животное, якобы вскормившее их прародителей: «Кочующие на западной стороне Байкала рассказывают, что будто они произошли от двух младенцев, мальчика и девочки, спущенных с неба на находящуюся близ устья реки Тунки гору, которой поныне приносят они жертвы, состоящие в разных съестных припасах и заколотых баранах, полагаемые на вершине сей горы; будто младенцы сии вскормлены были диким кабаном и племя их в последствие столько размножилось, что достигло до самого Китая...» [Спаский, 1824, с. 22–23].

В пантеоне шаманских божеств у бурят (представителей предбайкальских родов) с данным млекопитающим соотносится дух – хозяин земли *Гахай багша* (не путать с одноименным сказочным персонажем!). Иначе его называли *Даланта нойон* (от *далантай* ‘имеющий жир в загривке’ [БРС, 2010, т. 1, с. 254], в данном имени отражается анатомическая особенность кабана – наличие толстого подкожного жира в холке) или *Унаганай баатар* ‘Исконный богатырь’ (*унаган* ‘исконный, потомственный’ [Там же, т. 2, с. 297]) [Балдаев, 2010, с. 160]. Последняя его номинация отражает представления бурят о вепре как о мощном животном. Следует добавить, что описаний данного духа-хозяина нет, но не исключено, что ему придавали черты человека и зверя (вероятно, наличие кабаньей головы и шеи и человеческого тела).

Согласно С. П. Балдаеву, жену *Гахай багша* звали *Дэлуутэ* (от *дэлуун*, *дэлюун* ‘ширь, просторы’ [БРС, 2010, т. 1, с. 327]) *хат* [Балдаев, 2010, с. 160]. Но, во-первых, в бурятской мифологии по отношению к особам женского рода никогда не применяется титул *хаан* (множественное число *хат* / *хад*) ‘самый почитаемый, старший’ [БРС, 2010, т. 2, с. 393], полубог (сын или внук спустившегося с небес *тэнгэри* ‘небожитель’). Во-вторых, в шаманском призывании, в частности, кабанских (прибайкальских) бурят так величают самого мифического хозяина земли:

*Дэлхэйн эжэн Дэлуутэ ноен баабай,
Гахай ехэ багша,
Унагай ехэ баатар хун...*

Хозяин земного мира господин отец Дэлутэ
Кабан великий учитель,
Исконный великий богатырь...
(ПМА: Л. Б. Сотнич. Перевод мой. – А. Б.).

Заметим, что эпитет *широкий* в имени божества согласуется со словом *земля*, т. е. с тем пространством, которое будто бы подвластно *Гахай багша*.

Между тем в другом шаманском призывании указанных выше бурят упоминается супруга *Гахай багша*:

*Дэлхэйн эжэн Дэлутэ эхэ ноен,
Дэрсэ хатан,
Газара эжэн Гахай багша...*

Хозяин земного мира великий господин Дэлутэ,
Госпожа Дэрсэ,
Земной хозяин Кабан-учитель...
(ПМА: Л. Б. Сотнич. Перевод мой. – А. Б.).

Показательно ее имя, производное от глагола *дэрсыхэ* ‘оттопыриваться (об ушах)’ [БРС, 2010, т. 1, с. 329]. Представляется, что в нем передается одна из особенностей ушей дикой свиньи, которые являются длинными, острыми и стоячими.

Появление образа *Гахай багша* в бурятской сказочной прозе связывают с влиянием буддизма [Бурчина, 2007, с. 36]. Однако, судя по архаичности образа кабана у бурят, фигура этого мифического духа – хозяина земли могла возникнуть в шаманской традиции. В пользу этого говорит и этимология слова *багша* / *бакша* (она ведется от китайского слова *pak-si* / *pak-dzi* ‘мастер, учитель’ [Аникин, 2000, с. 112–113]), которое было известно в языке древних тюрок, а также средневековых монголов. У тюркских народов (казахов, киргизов и др.) им обозначали шамана, в частности гадающего с помощью кобуза или владеющего скапулимантией. Между тем в сказочной прозе бурят *Гахай багша* – это тот же гадатель, ясновидец, правда, находящий ответы посредством свиной головы.

Исходя из ранее сказанного, можно полагать, что кабан наделялся символикой мужества, а вместе с тем и охранительной функцией. В этой связи, кабаньей бивень, который подвешивали к мужскому поясному набору присаянских бурят [Галданова, 1987, с. 38], следует расценивать как апотропей.

Как упомянуто выше, у индийцев кабан рассматривался еще и как предтеча производства зерновых культур, т. е. обладал символикой плодородия. На наш взгляд, о завуалированном существовании такой идеи у бурят говорит, например, охотничья примета: «Хлеб нашел – кабана или козу добудешь» [Полтараднев, 1929, с. 102]. Очевидно, что в этой примете семантика дикой свиньи и хлеба общая. Подкрепляют наше предположение этнографические материалы С. П. Балдаева: в шаманском призывании к *Гахай Багша* буряты «просили дождь и урожай трав и **хлебов** (выделено мною. – А. Б.)» [Балдаев, 2010, с. 160]. В этой связи стоит напомнить, что у индийцев считалось, что «кабан связан с **дождем** (выделено мною. – А. Б.), и роет землю перед наступлением муссонов» [Nandita Krishna, 2014, p. 54]. Поэтому можно осторожно предположить, что в суждениях бурят это дикое парнокопытное имело также символику дождя, небесной воды.

В эпике бурят дикая свинья наделяется, как правило, отрицательной коннотацией. Дело в том, что с ней связывают представителя темных сил – многоголового мангадхая, противостоящего культурному герою: например, в героическом эпосе «Харасгай Мэргэн» это чудовище величают не иначе, как рыжий кабан [БВС, 1993, с. 135]. В другом фольклорном произведении душа мангадхая Эрхэ Бойбер хубуна находится в животе дикой свиньи [Бурчина, 2007, с. 277]. Показательно, что это животное лежит на дне моря, раскинувшегося в северо-восточной стороне (считалось, что северо-восток является потусторонним пространством). Причастность кабана к иному миру обосновывалась, в частности, его активностью в ночное время, о чем было сказано выше.

Как указание на плотоядность кабана, которую подмечали буряты, видится фрагмент упомянутого выше эпоса: «Начинает Эрхэ Бойбер хубун (мангадхай). Он крутит над головой свой семидесятипудовый молот, закликает, чтобы пробил широкую грудь героя, намотал его легкие и печень и бросил в пасть свиньи Ам Будан гахай (правильнее *Ан Бодон гахай* ‘Дикий кабан’ – А. Б.), которая лежит на дне ядовитого моря» [Бурчина, 2007, с. 279].

Кабан и его символика в традиционной обрядности бурят

В шаманской обрядности образ дикой свиньи воплощается прежде всего в *гахай онгон* ‘кабаний дух’ (*онгон* ‘шаманский дух-гений’), который входил в число так называемых игровых онгонов. Во время молодежных «вечерок» шаман, вошедший в транс, изображал духов разных зверей, в том числе вепря. По Д. К. Зеленину, такие зооморфные онгоны следует рассматривать как одни из самых древних онгонов у бурят [Зеленин, 1936, с. 43], с чем можно согласиться.

Другим проявлением образа кабана в шаманской поэзии и обрядности представляется фигура мифического *Гахай багша*. Ему посвящали *Дайдын тайлган* ‘букв. Земное жертвоприношение’, которое проводили, по С. П. Булдаеву, ежегодно 23–24 июня [Булдаев, 2010, с. 160]. Локальное сообщество бурят приносило в жертву этому духу-покровителю, наряду с молочными продуктами, лошадь, позднее, с переходом к оседлости, замененную бараном. Любопытно, что посвященным *Гахай багша* животным (*сэтэр*) должна была быть отловленная в тайге черная белка (ПМА: Л. Б. Сотнич), которую после обрядовых действий выпускали на волю. Такой выбор, вероятно, обусловлен принадлежностью дикой свиньи и белки к одному, лесному пространству.

Из литературы известно, что в ритуальной практике присаянских бурят особое место отводилось кабаньему бивню. Так, им проводили границы «выкупленной» под могилу земли, испрашиваемой у духа – хозяина местности в буддийском погребальном обряде *газар гуйха* ‘просить землю’ [Галданова, 1987, с. 38]. В основе этого акта, вероятно, лежали представления о способности кабана умиротворять землю: «при отсутствии клыка (кабаньего бивня. – А. Б.) земля не будет умиротворена» [Нацов, 1995, с. 59]. Кроме того, было принято очерчивать таким бивнем землю под основание будущей срубной юрты. В этих обрядовых действиях читается символика земли, присущая дикой свинье. В этой связи вспомним, что, например, по древним космогоническим мифам индийцев, кабан выступает как защитник земли: бог Вишна, обратившись в гигантского вепря Вараха, убивает демона Хираньякша, похитившего богиню землю; после этого он своими бивнями роет землю и помещает ее в океан [Nanditha Krishna, 2014, p. 54].

Апотропейным свойством наделяли буряты и в целом кабанью голову, зарываемую под порогом [Галданова, 1987, с. 38].

Согласно Г. Р. Галдановой, в свадебном обряде *тоолэй хундэхэ* ‘почитать тоолэй’ отварная кабанья голова на деревянном блюде подносилась старшему свату [Там же]. Вероятно, такая традиция представляет реликт охотничьей эпохи, так как кабан – единственное дикое животное, чья голова выступала атрибутом свадебных церемоний у присаянских бурят. Причем по указанной выше функции она стоит в ряду с такими сакральными домашними животными, как конь и баран, по мифологическим воззрениям бурят, имеющими небесное происхождение [Бадмаев, 2020, с. 36; 2021, с. 161]. К слову, ранее в работе уже была определена небесная символика кабана. Инкорпорирование головы дикой свиньи в брачную обрядность подтверждает также то, что с этим животным увязывалась идея плодородия и плодовитости.

В том же свадебном обряде было принято вручать вместе с *тоолэй* и *жолоо* ‘узdechка’, полосу подкожного жира, срезанного по позвоночнику животного [Галданова, 1987, с. 38]. В «узdechке», на наш взгляд, заключен намек на мифологическую функцию кабана как транспорта для божества. Данное парнокопытное имеет подобное назначение в буддийской тради-

ции: верили, что бодхисаттва *Маричи* (санскрит. Луч света) управляет огненной колесницей, запряженной семью кабанами [Nandita Krishna, 2014, p. 57], как вариант, она восседает или стоит на вепре.

Еще стоит обратить внимание на то, что буряты относили коня и барана к животным с «горячим» дыханием, мясо которых считалось полезным для человека. Вероятно, кабан также принадлежал к этой категории животных. В этом контексте выглядит закономерным употребление бурятами кабанины: действительно, это дикое мясо отличается своими вкусовыми свойствами, в нем содержится много белков, минералов, витаминов, помимо этого, оно является диетическим и хорошо усваиваемым продуктом.

Обычай присаянских бурят избавляться дорóгой от преподнесенной на свадьбе кабаньей головы, запрет на внесение ее в дом и тем более употребление в пищу [Галданова, 1987, с. 38] показывает, что вепрь символизировал смерть. Очевидно, по народным суждениям, голова кабана, как и само животное, принадлежащее чуждой, дикой природе, рассматривалась как угроза человеку. Вообще же мотив смерти, связываемый с данным парнокопытным, не нов и обнаруживается в мифологии разных народов (древних египтян, греков и др.).

Заключение

Исследование показывает, что в традиционном мировоззрении бурят образ дикой свиньи полисемантический и имеет амбивалентность коннотации.

Сравнительная характеристика образов домашней и дикой свиньи в культуре бурят выявило разное отношение к ним. На основе анализа бурятской лексики и малых жанров фольклора можно утверждать, что домашняя свинья символизировала чувственность, бедность и, наоборот, материальное благополучие. С ней ассоциировали многие негативные качества человека. Между тем кабан олицетворял храбрость, и в то же время бездумность. Из биологических особенностей дикой свиньи буряты выделяли ее слух и обоняние.

Несмотря на некоторую фрагментарность образа кабана в традиционном мировоззрении бурят, выявляется комплекс суждений о нем. В них животное выступает как тотем и как кормилица предков. Он воспринимается как символ силы, мужского начала. Кроме этого он наделяется символикой плодородия, плодовитости и небесной воды. В эпике бурят его образ получил однозначно негативную коннотацию и увязывался с мотивом души демонического существа.

В шаманской обрядности бивни и в целом голова кабана исполняли роль апотропея. В нем образ животного был связан с «игровым» духом *гахай онгон*. В шаманской поэзии вепрь предстает антропонимом (*Гайхай багша*). На материалах по шаманской обрядности выделяется положительная коннотация данного животного, обусловленная такими важнейшими значениями, как земля, небо. Дикая свинья является символом плодородия и плодовитости. Вероятно, она также воспринималась как транспорт для божества. Однако отмечается и негативная коннотация, связанная с восприятием кабана как вестника смерти.

Список литературы

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Бадмаев А. А. Мелкий рогатый скот в фольклоре и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 157–168.
- Бадмаев А. А. Образ и символика коня в мифологических воззрениях и обрядности бурят // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 2. С. 33–39.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 368 с.

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- БВС – Бурятские волшебные сказки. Новосибирск: Наука, 1993. 341 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 5)
- БНС – Бурятские народные сказки. Волшебные. Бытовые. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- БРС – Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. 1: А–Н. 636 с.; Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бурчина Д. А.** Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Галданова Г. Р.** Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Дмитриев С. В.** Доместикация в Китае: попытка обобщения данных // Учен. зап. ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 17: Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 45, ч. 1. С. 34–49.
- Е Лун-ли.** История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979. 608 с. (Памятники письменности Востока. Т. 35)
- Евсенин И.** Из бурятских примет // Сибирская летопись. 1916. № 9–10. С. 483.
- Зеленин Д. К.** Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с. (Тр. ИААЭ. Т. 14: Этнографическая серия, вып. 3)
- КДРС – Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- КРС – Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лубсан Данзан.** Алтан Тобчи. М.: Наука, 1973. 439 с. (Памятники письменности Востока. Т. 10)
- Миллер Г. Ф.** Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляске из российских архивов. Т. 8, ч. 1: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды)
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Нацов Г.-Д.** Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
- Полтараднев П.** Пушной промысел в Тункинском районе: процесс охоты на соболя // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 99–106.
- Поппе Н. Н.** Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 566 с. (Тр. ИВ АН СССР. Т. 14)
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. 425 с.
- РКС – Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
- Спасский Г. И.** Буряты или Братские // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1–2, кн. 2. С. 22–86.
- ФКД – Фольклор Курумчинской долины. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 137 с.
- ХРС – Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Цыбиктаров А. Д.** Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. Вып. 3. 266 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Nanditha Krishna.** Sacred Animals of India. New Delhi, Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.

Полевые материалы автора

Бильдуев С. О., 1929 г. р., с. Хойтогол Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июнь 2001 г.

Сотнич Л. Б., 1932 г. р., с. Ранжурово Кабанского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2006 г.

References

- Anikin A. E.** Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 768 p. (in Russ.)
- Badmaev A. A.** Obraz i simbolika konya v mifologicheskikh vozzreniyakh i obryadnosti buryat [The image and symbolism of the horse in the mythological views and rituals of the buryats]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2020, no. 2. p. 33–39. (in Russ.)
- Badmaev A. A.** Images and Symbols of Small Cattle in the Mythological Representations and Rituals of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 157–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-157-168
- Baldaev S. P.** Rodoslovnye predaniya i legendy. Zabaikal'skie buryaty [Pedigrees and legends. Trans-Baikal buryats]. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 2009, pt. 1, 376 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, Academia, 2001–2002, 2198 p. (in Mong., Russ.)
- Burchina D. A.** Geroicheskie eposy ungingikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov [The Heroic epic of the Unga Buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (in Russ.)
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 1, 636 p.; vol. 2, 708 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie narodnye skazki. Volshebnye. Bytovye [Buryat folk tales. Magical. Household]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2008, 188 p. (in Russ.)
- Buryatskie volshebnye skazki [Buryat fairy tales]. Novosibirsk, Nauka, 1993, 341 p. (in Buryat, Russ.) (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 5)
- Dmitriev S. V.** Domestikatsiya v Kitae: popytka obobsheniya dannykh [Domestication in China: an attempt to generalize data]. In: *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya RAN. Otdel Kitaya [Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the RAS. Department of China]*, Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS Publ., 2015, vol. 45, pt. 1, pp. 34–49. (in Russ.)
- E Lun-li.** Istoriya gosudarstva kidanei (Tsidan' go chzhi) [History of the Khitan state (Tsidan' go chzhi)]. Moscow, 1979, 608 p. (in Russ.) (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka [Monuments of the writing of the East], vol. 35)
- Evsenin I.** Iz buryatskikh primet [From Buryat will accept]. *Sibirskaya letopis' [Siberian chronicle]*, 1916, no. 9–10, p. 483. (in Russ.)
- Fol'klor Kurumchinskoi doliny [Folklore of the Kurumchinsky valley]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1999, 137 p. (in Buryat, Russ.)
- Galdanova G. R.** Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-lamaist beliefs of the buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 115 p. (in Russ.)
- Khal'mg-ors tol' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russian language, 1977, 768 p. (in Kalmyk, Russ.)
- Khamnigansko-russkii slovar' [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk, Ottisk, 2015, 364 p. (in Hamnigan, Russ.)
- Kratkii dagursko-russkii slovar' [Short dagur-russian dictionary]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2014, 236 p. (in Dagur, Russ.)
- Lubsan Danzan.** Altan Tobchi [Altan Tobchi]. Moscow, Nauka, 1973, 439 p. (in Russ.) (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka [Monuments of the writing of the East], vol. 10)

- Miller G. F.** Opisanie sibirskikh narodov [Description of the siberian peoples]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2009, 456 p. (in Russ.) (Istochniki po istorii Sibiri i Alyaske iz rossiiskikh arkhivov [Sources on the history of Siberia and Alaska from russian archives], vol. 8, pt. 1)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- Nanditha Krishna.** Sacred Animals of India. New Delhi, Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.
- Natsov G.-D.** Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the history and culture of the buryats]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Pub, 1995, 155 p. (in Russ.)
- Poltaradnev P.** Pushnoi promysel v Tunkinskom raione: Protsess okhoty na sobolya [Fur fishing in the Tunka district: The process of hunting sable]. *Zhizn' Buryatii [Life of Buryatia]*, 1929, no. 1, pp. 99–106. (in Russ.)
- Poppe N. N.** Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab [Mongolian dictionary of Muqaddimat Al-Adab]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1938, 566 p. (in Old-Mong., Russ.) (Trudy Instituta vostokovedeniya AN SSSR [Works of the Institute of Oriental Studies AS USSR], vol. 14)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. St. Petersburg, 1881, 425 p. (in Russ.)
- Russko-kalmytsii slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1964, 803 p. (in Kalmyk, Russ.)
- Spassky G. I.** Buryaty ili bratskie [Buryats or Bratsky]. *Sibirskii vestnik [Siberian Bulletin]*, 1824, pt. 1–2, book 2, pp. 22–86. (in Russ.)
- Tsybiktarov A. D.** Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevneishikh vremen do XVII veka) [Buryatia in ancient times. History (from ancient times to the 17th century)]. Ulan-Ude, Buryat State Uni. Press, 1999, iss. 3, 266 p. (in Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B.** Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye: istoriko-lingvisticheskoe issledovanie [Buryat historical chronicles and genealogies: historical and linguistic research]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1972, 662 p. (in Russ.)
- Zelenin D. K.** Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov [The cult of ongons in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of the Siberian peoples]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, 436 p. (in Russ.) (Trudy Instituta antropologii, arkhologii i etnografii [Works of the Institute of anthropology, archeology and ethnography], vol. 14, iss. 3)

Информация об авторе

Андрей Андреевич Бадмаев, доктор исторических наук

Information about the Author

Andrew A. Badmaev, Doctor of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 30.11.2021;
одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 30.01.2022
The article was submitted 30.11.2021;
approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 30.01.2022*